

Женщины французских легионов

М.К. Чиняков

История революционных и наполеоновских войн с пристальным вниманием изучается отечественными и зарубежными историками: объектом их изучения становятся детали сражений, обмундирование, маневры войск в той или иной кампании, вооружение и т. п. Однако по неизвестной причине вне поля зрения исследователей остаются женщины французских легионов. Хотя всем известно, что война всегда была так или иначе связана с женщинами, оставаясь, разумеется, «любимым мужским занятием».

Во французской армии, как в любой другой, женщины составляли ее неотъемлемую часть. Их можно довольно легко классифицировать на четыре устойчивые группы: проститутки, маркитантки, женщины-солдаты и любовницы, последовавшие за своими возлюбленными на войну. Самой многочисленной, разумеется, являлась первая. Ниже речь пойдет о второй и третьей категориях.

В нашей стране в течение 200 лет широко известно имя «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой (Александровой), автора мемуаров, которая стала прототипом главной героини художественного кинофильма «Гусарская баллада». Вместе с тем мы, как правило, затрудняемся назвать хотя бы одно имя французской женщины, сражавшейся вместе с «волонтерами свободы» и солдатами Наполеона. Складывается впечатление, что их вообще не было, что является, мягко говоря, заблуждением.

В истории Франции имеется довольно много примеров, когда женщина оказывалась в боевых порядках армии не только как проститутка либо любовница, но и как солдат, т. е. с оружием в руках. Достаточно вспомнить Жанну д'Арк — один из самых ярких примеров в истории Франции. Великая Французская революция XVIII в. и последовавшие за ней войны коалиций европейских монархий против республики вызвали прилив народного энтузиазма во Франции. Хотя провозглашаемый ранее в нашей исторической литературе энтузиазм первых волонтеров Французской республики не совсем соответствовал реальным цифрам и фактам, нельзя не признать, что именно порыв простых французов (опиравшийся на опыт старой, королевской армии) сыграл решающую роль в победах республиканской армии над регулярными европейскими войсками.

Даже женщины брались за оружие и вставали в ряды «защитников свободы». Не случайно на одной гравюре периода революционных войн, где

Чиняков Максим Константинович.

изображена женщина с пикой, стоят следующие слова: «Мы также научимся сражаться и умирать, как и мужчины, и докажем, что умеем обращаться не только с веретеном и иголкой. О Беллона! Слутница Марса (Беллона, богиня войны — сестра или кормилица бога войны Марса. — М. Ч.)! Неужели твой пример не вдохновит женщин, чтобы идти в бой вместе с мужчинами? Богиня силы и храбрости! Ты не будешь краснеть за французенок»¹.

Нало заметить, что столь высокопарная фраза была не далека от истины, как могло показаться на первый взгляд. Так, 6 марта 1792 г. в Законодательное собрание была направлена петиция за подписью 340 женщин, желающих записаться в армию простыми солдатами. Они требовали вооружить их холодным и огнестрельным оружием, обучить всем воинским премудростям и дать им командиров из числа военнослужащих бывшего полка Французской гвардии (входившего в состав Королевской гвардии), прославившегося активным участием в июльских событиях 1789 г. на стороне восставшего народа, для «поддержания порядка и общественного спокойствия».

Хотя «женские батальоны» так и остались на бумаге, самые активные женщины, испытывая искреннее желание сражаться за свою родину, отправлялись в армию добровольно. Однако Конвент принял особое постановление от 22 февраля 1793 г. (12 декабря 1793 г.), категорически запрещающее поступление в армию лиц женского пола в качестве солдат. Тем не менее женщины во французских республиканской и императорской армиях служили, причем владели солдатским ремеслом не хуже мужчин. Они переодевались в мужскую одежду и успешно вводили в заблуждение своих товарищей по оружию. Как правило, обман раскрывался в госпитале, хотя и не всегда с первого раза — например, некую Виржинию Гескьер удалось разоблачить только после того, как она во второй раз попала в руки врачей.

Точное количество женщин-солдат в республиканской и императорской армиях пока не подсчитано. По свидетельству французского историка Л. Анне, работавшего в архиве военного министерства сто лет назад, в республиканской и императорской армиях воевало около 70 женщин-солдат. Несомненно, что реальное количество было больше². К началу наполеоновских войн количество женщин-солдат в армии и вовсе резко уменьшилось. Однако они не исчезли совсем. Что двигало ими? Почему женщины, созданные для продолжения рода человеческого, с отличной от мужчин психологией шли на войну? Данный феномен только сейчас становится предметом изучения³.

Вербуясь в рекруты, они забывали о своей принадлежности к слабому полу, с удовольствием «превращаясь» в мужчин. Солдатский мундир не был простой игрой в переодевание: французенки-солдаты верили, что только в нем они смогут стать мужчинами. И старались от них не отставать, забывая истинно женские пристрастия и особый склад, заложенный в них природой. Они до такой степени сливались с мужчинами-солдатами, что в общей солдатской массе их было трудно отличить.

Так, некоторые из женщин шли на фронт вслед за мужьями, оставив семью. Речь идет о Розе Буйон. Ее супруг, Жюльен-Анри, в марте 1793 г. был включен в состав 6-го батальона волонтеров Верхней Соны, и Роза, оставив двух детей (одному из которых было семь месяцев!), пошла вслед за супругом. Переодетая в военный мундир, она показала себя прекрасным солдатом в составе этого батальона. Но 13 августа 1793 г. Жюльен-Анри погиб в сражении на ее глазах, и вскоре Розу «разоблачили». Генерал, в подчинении которого находилась мадам Буйон, пораженный ее отвагой, отправил женщину в Париж с сопроводительным письмом к военному министру. Конвент воздал должное смелой Розе, и выдал ей пенсию в 300 ливров, а каждому из ее детей — по 150 ливров.

Другая женщина, Роза Барро, также пошла за мужем, Франсуа Лейраком, гренадером 2-го батальона волонтеров Тарна; она взяла с собой второе, «патриотическое» имя, и стала называться Либерте (Liberté — свобода). 13 июля 1793 г., при штурме одного испанского редута, Роза-Либерте одной из первых ворвалась в укрепление. Вместе с мужем-гренадером Роза-Либерте

прослужила в 63-м линейном полку вплоть до 1804 г., когда Первый консул Бонапарт стал императором Наполеоном. Однако она не оставила службу, хотя в 1809 г. имела пятерых детей! Остается непонятным, как она могла совмещать столь противоречивые «должности»... Также темной страницей остается ее дальнейшая жизнь. Надо полагать, в наполеоновских войнах она не участвовала, но остаток жизни провела в солдатских лагерях и умерла в 1843 г. в возрасте 71 года, как и полагается старому солдату, в филиале Дома инвалидов (в Авиньоне).

Весьма бурную жизнь провела другая амазонка, Анриетта Хейникен. В 1791 г. она стала любовницей некоего Лотье Ксентраль, офицера артиллерии на пенсии, который познакомился с ней в Германии; отныне Лотье стал представлять ее в обществе как мадам Ксентраль. Анриетта последовала за любовником на войну. Когда весной 1792 г. Лотье стал полковником штаба, он «произвел» свою возлюбленную в помощники, а когда в марте 1793 г. стал генералом, — в адъютанты. Анриетта оказалась отважной женщиной. Во время революционных войн она не раз прославила свое имя. Так, «мадам Ксентраль» захватила прусский артиллерийский парк, пресекла мятеж в 44-й бригаде, спасла 11-й батальон волонтеров Ду и большой отряд жандармерии. Неоднократно рискуя жизнью, спасала раненых солдат. В июле 1793 г. она доставила важное письмо командованию, спасаясь от преследовавших ее вражеских патрулей; ей даже пришлось переплыть Рейн! Тем не менее в 1798 г. ей пришлось оставить службу, поскольку генерал Ксентраль завел очередной роман, на этот раз с некоей Женевьев Каэ, на которой и женился. Вскоре она ушла с военной службы, и в 1810 г. с большим трудом добилась приличной пенсии (2400 франков), которой с падением Наполеона королевское правительство лишило ее. Скончалась она в 1818 году.

Другой пример связан с вдовой солдата Брюлона, Анжеликой Дюшмен из 42-го пехотного полка, которая завербовалась в тот же полк, где служил ее муж. В итоге она прослужила в армии с 1792 по 1798 гг. и в составе одного и того же полка участвовала в семи крупных кампаниях. Анжелика сражалась отважно, не прачась за широкие мужские спины, и добилась нашивок капрала, а затем и старшего сержанта. Она имела два ранения; третье оказалось для нее роковым. После ранения осколком артиллерийской гранаты в левую ногу она не смогла продолжать службу. В декабре 1798 г. ее приняли в Дом инвалидов. Однако про подвиги отважной женщины не забыли даже при короле. Так, в октябре 1822 г. Людовик XVIII присвоил Анжелике звание младшего лейтенанта (суб-лейтенанта), а племянник великого императора, Наполеон III, 15 августа 1851 г. пожаловал ей крест ордена Почетного легиона. Окруженная почестями, вдова Брюлон скончалась в 1859 г. на 88 году жизни.

В отличие от других женщин-солдат, Мари-Барб Паран из Валансьена в 1792 г. убежала из семьи. Она завербовалась в 9-й батальон северных федератов, в котором участвовала в боях в Бельгии. Весной 1793 г. один из ее родственников узнал ее, доложил командованию, и Мари-Барб пришлось вернуться к домашнему очагу. Когда австрийцы осадили Валансьен, она тотчас сменила женскую одежду на солдатский мундир и вместе с гарнизоном отбивалась от врага. Позже, в Париже, Паран записалась в 1-й батальон 75-го пехотного полка (ставшего в феврале 1793 г. 139-й полубригадой), входившего в состав Рейнско-Мозельской армии, в котором она прослужила в течение двух лет.

Поучителен случай с Рэн Шапюи, которая записалась 25 февраля 1793 г. рядовым кавалеристом в 24-й кавалерийский полк, и которую отчислили из полка 20 декабря того же года, когда командование узнало, что она женщина. В ответ раздосадованная Рэн обратилась прямо к Конвенту, адресовав ему письмо-жалобу, написанное великолепным языком в духе того времени. «Грохот канонады, свист пуль и снарядов совершенно не пугал меня, но воодушевлял. Я множество раз бесстрашно ходила в атаке вместе с моими братьями по оружию. Могла ли я, в возрасте 17 с половиной лет, на заре моей молодости, не сменить свой очаг на объятия Беллоны, которая, если бы мог-

ла, упрекнула бы меня в бездействии?! (...) Выходит, что я напрасно дала присягу сражаться и умереть за республику? (...) Мои единственные амбиции состоят в том, чтобы Конвент смилостивился надо мной и благосклонно ответил мне, что разрешает и далее служить в моем 24-м кавалерийском полку, который я покинула с невыразимым сожалением. Стоит вам только удовлетворить мою просьбу, и я тут же вернусь в полк. Обещаю, что сразу же храбрость и энергичность мои увеличатся в несколько раз, и я докажу республике, что женщина способна столь же крепко сжимать в своих руках оружие, как и мужчина. Я докажу, что отвага моя будет руководствоваться только честью и жадной славой...»⁴ Конвент любил пышные речи и подобные порывы души своих граждан. Но в просьбе «кавалеристу» Рэн Шапюи было отказано.

В июне 1793 г. Конвент отказал и «артиллеристу» Катрин Поштя, несмотря на то, что она имела чин младшего лейтенанта и представила похвальные отзывы о своей службе, в том числе свидетельства о доблестном поведении во время сражения при Жемалле. Конвент остался верен себе, и в просьбе Катрине отказал, хотя и назначил ей пожизненную пенсию в 300 ливров.

Щедроты Конвента распространились и на других женщин-солдат, менее известных истории. Так, Роза Маршан прослужила в 1792—1794 гг. в Самбр-Маасской армии и отличилась при осаде Маастрихта; в 1795 г. она получила пенсию в 400 ливров. Элизабет Буржес участвовала в борьбе против вандейцев и Конвент назначил ей 600 ливров, как и Франсуазе Ронель (Руэль), «волонтеру» из 2-го батальона волонтеров Верхнего Рейна, сражавшейся в 1792—1794 гг. при Шпейере, Майнце, Виллере.

«Артиллерист» Мадлен Пети-Жан отличалась от многих вышеперечисленных женщин, поскольку попала в ряды защитников республики из-за желания «заработать себе на жизнь». К тому же она была не молода — в 1793 г. ей уже было не менее 47 лет, она три раза была вдовой и имела 17 детей! В марте 1793 г. Мадлен записалась в 1-ю роту артиллеристов Сорбонны, где вышла замуж в четвертый раз — ее выбор пал на сапера Реверси. Однако военная карьера Пети-Жан оказалась неудачной. Так, по прибытию в Вандею, практически в первом же бою она попала в плен. Только по счастливой случайности ей удалось сбежать, переодевшись... в женскую одежду. Однако она не оставила армию и вошла в состав 4-го батальона волонтеров Эро. Впрочем, ненадолго: вскоре она получила два серьезных ранения, из-за которых три недели пролежала в госпитале в Ла-Рошели. Правда, после госпиталя она отыскала свою артиллерийскую роту и мужа-сапера. Когда декрет Конвента об отчислении женщин из армии дошел до республиканских армий, сражавшихся в Вандее, Мадлен пришлось снять с себя синий солдатский мундир. Однако она прибыла в Париж и 16 ноября 1794 г. добилась от правительства пенсии в 600 ливров, обеспечив себе безбедное существование. Таким образом, мадам Пети-Жан доказала, что патриотизм может приносить не только славу, но и материальное благополучие.

Одной из самых известных женщин-солдат наполеоновской эпохи во Франции, достойных сравнения с Надеждой Дуровой по известности в нашей стране, бесспорно, является Мария-Тереза Фигёр по прозвищу «мадам Сан-Жен» (мадам Бесцеремонность). В 1893 г. французский драматург Э. Моро написал пьесу под названием «Мадам Сан-Жен»⁵, где в качестве главного героя фигурировала Фигёр. Поскольку тогда еще Марию-Терезу знали немногие, другой драматург, В. Сарду, предложил Моро заменить его героиню маршалшей Лефевр, мадам Данцигской, супругой одного из известных маршалов Наполеона.

Мария-Тереза Фигёр родилась 17 января 1774 г. в Бургундии, под Дижоном, в семье сторонников монархии и противников революции 1789 года⁶. После смерти отца Мария-Тереза оказалась в Авиньоне, где ее воспитывал дядя Жозеф Вьяр, младший лейтенант пехотного полка. В 1793 г. он отправился на войну против республиканцев, возглавив роту, в которую взял и 19-летнюю племянницу, передев ее в мундир артиллериста. После победы республиканцев дядя с племянницей попали в плен. Однако пленникам повезло

— республиканский генерал Ж.-Ф. Карто их хорошо принял и посоветовал не только сменить свои политические взгляды, но и записаться в республиканскую армию, что они и сделали. Приблизительно в то же время Мария-Тереза и получает прозвище «мадам Сан-Жен». Она участвовала в знаменитой осаде Тулона (декабрь 1793 г.), где могла повстречать простого артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта; там же она получила огнестрельное ранение. В 1794 г. она переходит в 15-й драгунский полк, в составе которого сражалась в Западнопиренейской армии под командованием Ж.-К. Дюгомье.

После заключения франко-испанского мирного договора вместе со своим полком Фигёр прибывает в Италию, где участвует в кампаниях 1795—1800 гг. — сначала в составе 15-го, с февраля 1799 г. — 9-го драгунского полка. Ее смелости мог позавидовать и мужчина: в 1795 г. она спасла в бою от смерти раненого генерала, затем — нескольких солдат. В октябре 1799 г. Марии-Терезе не повезло, и она попала в плен. Однако австрийский военачальник, узнав о необычном пленнике, радушно принял Фигёр и совершил благородный жест — сразу отправил ее через линию фронта к своим, подарив лошадь. Но через несколько дней она снова оказалась в плену, получив четыре ранения. Другой австрийский военачальник, принц де Линь, в соответствии с правилами «галантных войн», также отпустил ее. После чего в январе 1800 г. Мария-Тереза с ослабленным здоровьем была отправлена в отпуск.

Фигёр прибывает в Париж к Первому консулу, который устраивает ее при своем дворе, точнее, при дворе Жозефины; Мария-Тереза встречается с будущими маршалами Наполеона — Ж. Ланном и П.-Ф.-Ж. Ожеро. (В начале 1806 г. она встречает маршала Ж.-Б.-Ж. Бернадота, недвусмысленно пытавшегося ее соблазнить, о чем Фигёр красноречиво рассказывает в мемуарах⁷⁾). Однако мирная жизнь была создана не для Марии-Терезы, и она отправляется вместе с 9-м драгунским полком на место его новой дислокации. С началом наполеоновских войн Фигёр продолжает служить в армии, и в составе того же полка участвует в Австрийской кампании 1805 г. (при Ульме, Аустерлице). Удивительно, но знаменитое сражение при Аустерлице не произвело на Терезу никакого впечатления — в ее мемуарах о нем не сказано практически ни одного слова. В 1806 г. началась Прусская кампания; вместе с 9-м драгунским полком Фигёр сражалась под Йеной. Однако ей опять не повезло: в октябре 1806 г., по дороге на Берлин, она неудачно упала с лошади и была вынуждена вернуться во Францию и лечиться в течение двух лет.

В 1809 г. Мария-Тереза вновь вернулась на службу, и со своим полком прибыла в Испанию, где ее боевой путь завершился. В июле-августе 1812 г., во время одной из прогулок под Бургосом, Фигёр попала в руки банды испанских гверильясов, руководимой известным вожаком «кюре Мерино», беспощадно расправившихся с пленными французами. Мария-Тереза описывает пленение чисто по-женски: «Солнце клонилось к закату на кроваво-огненном небосводе. Я слышала весело играющий в городе полковой оркестр, в то время как я, окруженная зловещими личностями, осылаемая оскорблениями и ударами, удалялась с каждым шагом через кустарники, царапавшими меня до крови, от моих соотечественников, друзей и сослуживцев. Может быть, даже навсегда! И я безудержно повторяла: «Прощайте, французы!» «Прощайте!»

Однако Фигёр повезло — поскольку она проявила человеколюбие к мирному населению в Бургосе, «кюре Мерино» оставил пленницу в живых, но отдал ее англичанам. Герцог Веллингтон заключил Терезу в форт Лиссабона — он не проявил благородства мужчины и полководца, присущего австрийским полководцам, — где с пленницей плохо обращались. Впоследствии Фигёр была вывезена в английский город Саутгемптон, где с ней хорошо обращались. Отречение Наполеона от престола 6 апреля 1814 г. сделало пленницу свободной, и Мария-Тереза вернулась во Францию. Дивизионный генерал и командир полка конных егерей Императорской гвардии Ш. Лефевр-Денуэт подарил ей мундир конного егеря, что, судя по воспоминаниям Фигёр, чрезвычайно польстило ее сердцу. Во время Ста дней женщина-драгун в очередной раз одела военную форму — но теперь мундир конного егеря, генераль-

ский подарок — и дефилировала перед императором. Однако, невзирая на прошлые заслуги, не смогла добиться от Наполеона разрешения быть принятой в армию и не участвовала в последних сражениях наполеоновской эпопеи. Отныне «солдатская» карьера Мария-Терезы завершилась. По прошествии трех лет после войн, сотрясавших Европу, 2 июля 1818 г. 44-летняя женщина-драгун вышла замуж за друга детства Клемана Сюттера, унтер-офицера элитной жандармерии бывшей Императорской гвардии. По этому поводу комендант Парижа весело заметил: «Жандарм женился на драгуне. Это весьма забавно»⁸⁾. Однако одиннадцать лет спустя она стала вдовой. 22 апреля 1861 г., прожив весьма бурную и насыщенную жизнь, Мария-Тереза Фигёр скончалась без единого су в кармане в возрасте 87 лет. До конца дней отважная женщина сожалела об одной удивительной неблагодарности судьбы — по неизвестной причине она так и не получила заветный для всех солдат Первой империи крест ордена Почетного легиона...

Другая известная во Франции женщина-солдат — бельгийка из Гента Мария-Жанна Шеллинк — сделала настоящую военную карьеру. Она с детства познала нужду и нищету. Отец у Марии-Жанны умер рано, мать практически не заботилась о дочери, а дядя, который обращался с ней как с родной дочерью и работал трактирщиком, лишился работы. В итоге мать отправила дочь в протитутки; вскоре Марию-Жанну арестовали и посадили в тюрьму. После того, как ее выпустили на свободу, она вышла замуж. Когда республике потребовались защитники, супруг Марии-Жанны ушел в армию. Как и другие женщины-солдаты, она выдала себя за мужчину и пошла вслед за мужем в армию. В апреле 1792 г. она поступила на службу во 2-й бельгийский батальон волонтеров и уволилась из армии в июне 1808 г. в звании младшего лейтенанта, с крестом шевалье ордена Почетного легиона и хорошей пенсией. Крест вручал ей лично император, не преминув отметить заслуги Марии-Жанны, обратившись к своим офицерам: «Господа! Склоните головы перед этой храброй женщиной!» Всего Мария-Жанна Шеллинк прослужила почти 30 лет, из которых приняла участие в 12 кампаниях. Она сражалась за республику и императора в Бельгии (1792—1794), Голландии (1795), Италии (1796—1797 и 1800), Германии (1805), Пруссии (1806) и Польше (1807). О ее храбрости говорилось в приказе по армии после боя при Арколе. В битве при Жемаппе она получила шесть сабельных ударов, при Аустерлице — огнестрельное ранение в левое бедро и последнее ранение — при Йене. За несколько дней до празднования своей 83-й годовщины, в сентябре 1840 г., смелая женщина скончалась.

Виржиния Гескьер, как и другие женщины-солдаты, записалась в армию как мужчина, скрыв свою принадлежность к слабому полу. Благодаря системе конскрипции, при которой был развит институт замещающих (т. е. когда за собственный счет вместо себя можно было отправить в армию постороннего человека), в 1806 г. Гескьер одела синий солдатский мундир 27-го линейного полка вместо родного брата, который по состоянию здоровья не мог перенести трудности и тяготы армейской службы. (Больше Виржиния никогда не увидит брата — он скончался до ее возвращения домой). Вместе со своим полком 2 мая 1808 г., около Лиссабона, Виржиния приняла участие в одной стычке, где доказала свою храбрость: спасла жизнь своему полковнику и захватила в плен двух английских офицеров, ранив одного из них штыком в плечо (она доставила пленников в лагерь, привязав их к хвосту своей лошади). После столь самоотверженного поступка Гескьер получила сержантские нашивки и обладая приятной внешностью получила прозвище «Милый сержант». На этом ее подвиги не закончились: Виржиния участвовала в Австрийской кампании 1809 г. и в знаменитом сражении при Ваграме (5—6 июля). И ни один человек не распознал в ней женщину, хотя в 1808 г. она лечилась в госпитале от штыкового ранения в левый бок. Тайна Гескьер оказалась раскрытой только в начале 1812 г., когда она снова попала в госпиталь. После того, как Виржинию «признали женщиной», ее военная карьера закончилась: в том же году ее наградили орденом Почетного легиона и уволили

со службы. Во Франции она приобрела большую популярность. В ее честь даже сочинили песенку из 13 куплетов. Гескьер прожила долгую жизнь: она увидела падение Первой империи, Сто дней, две Реставрации, две революции (1830 и 1848 гг.) и скончалась в 1855 г., когда Францией правил Наполеон III.

В наполеоновской армии служили и другие женщины, получившие по тем или иным причинам меньшую известность. Среди них можно назвать Дюку-Лаборд. Она служила в 6-м гусарском полку, отличилась при Прёйсиш-Эйлау, получила ранение при Фриланде, потом крест ордена Почетного легиона. В отличие от Терезы Фигёр, она сражалась за Францию в «битве битв» наполеоновской эпопеи — Ватерлоо (18 июня 1815 г.), где потеряла ногу, попала в плен и вернулась во Францию только после Июльской революции 1830 г., т.е. после падения последнего представителя Бурбонов в лице Карла X.

В конце 1813 г., в Испании, в рядах французской армии воевала еще одна женщина-солдат, по прозвищу Ла Коллежьяна (Юная). Она была... испанкой из старинного дворянского рода Старой Кастилии. Испанка оказалась столь рьяной сторонницей Франции и нового короля Жозефа Бонапарта, что добровольно согласилась сражаться против соотечественников. Она вообразила себя второй Жанной д'Арк и собрала небольшой отряд из местных крестьян, вооружив и экипировав их за свой счет. Однако Ла Коллежьяне не повезло — в это время дела французов на полуострове складывались неважно, и вскоре они были вынуждены уйти обратно во Францию. С ними ушла и испанка. Зимой 1813—1814 гг. ее видели в форме гусара в Байоне, где, по отзывам очевидцев, она неплохо выглядела и была полна отваги. Впоследствии ей доверили командование ротой французского гусарского полка; сослуживцы отзывались о ней положительно. После отречения Наполеона Ла Коллежьяне отказали в пребывании на территории Франции и прислали «на вспомоществование» 500 франков, что оскорбило испанку больше, чем сам отказ «прописать» ее во Франции. Больше о судьбе отважной испанки ничего не известно.

Истории Франции известны и неприятные исключения, связанные с женщинами-солдатами. Речь идет о сестрах Ферниг, для которых любовь к военным приключениям была выше любви к отечеству. В 1792 г., когда северо-восточные границы Франции подвергались нашествию австрийских и прусских войск, от которых молодая революционная армия была еще неспособна защитить свой народ, местное население создавало отряды самообороны. Один из таких отрядов возглавил бывший гусарский вахмистр королевской армии месье Ферниг. Его две старшие дочери (Фелисите и Теофилия), не желая расставаться с отцом, вступили в его отряд, перелетевши в мужчине (их два брата уже сражались — один в Рейнской армии, другой — на Пиренеях).

Сестры прославились во многих стычках и схватках, о чем сообщает комиссар Северной армии генерала Ш.-Ф. Дюмурье 19 апреля 1792 г.: «Мы не можем обойти молчанием отважное поведение мадемуазель Фелисите и мадемуазель Теофилии Ферниг, которые отличились множество раз в военных предприятиях, и которые соединяют в себе храбрость и самые лучшие добродетели своего пола: нежность и скромность»⁹. Сестры участвовали в знаменитых сражениях революционных войн — при Вальми и Жемаппе. В сражении при Жемаппе отличилась Теофилия, бесстрашно штурмовавшая вражеские редуты на левом крыле. Во главе отряда конных егерей она атаковала венгерских гренадеров, лично из пистолета ранила двоих и взяла в плен командира батальона.

К сожалению, сестры оказались настолько привязаны к Дюмурье, что пошли за ним, даже когда он попытался поднять мятеж против Конвента в апреле 1793 года. Имена Фелисите и Теофилии Ферниг и их родителей (следовавших вместе с армией) тут же были приравнены к предателям Франции, и им пришлось скитаться по Бельгии и Голландии, пока в 1802 г. Первый консул Наполеон Бонапарт не разрешил всем желающим эмигрантам вернуться на родину. Вернувшись во Францию, сестры уже лишились прошлого обожания и провели остаток своих дней в безысследности.

В декабре 1812 г. — начале января 1813 г., когда дела Франции и императора находились не в лучшем состоянии, в Бордо произошел забавный казус¹⁰. В городе получило распространение некое воззвание, составленное якобы от местной администрации о призыве на службу в добровольном порядке, ввиду тяжелого положения на фронте, 200 тыс. незамужних женщин в возрасте от 18 до 30 лет под названием армии Беллоны. В «документе» объяснялись причины призыва на военную службу женщин, устанавливались «нормы» призыва (каждому департаменту надлежало сформировать 1 «полк» пехоты и 1 «полк» кавалерии) и приводилось описание военной формы, которую надлежало носить женщинам-добровольцам: «Пехотинцы будут одеты в короткие юбки с кирасой, в шляпу-амазонку (т.е. шляпу от амазонки — женского платья для верховой езды. — М.Ч.) с плюмажем и вооружены пиками; на ногах будут носить обычные ботинки. Для кавалерии униформа будет той же, только кавалеристы будут носить каску азиатского образца и обуви в солдатские ботинки; пики кавалеристов будут длиннее, чем в пехоте». «Пехотинцам» предполагалось выдать знамя — полотнище с изображением Венеры в «ее туалете», попирающей пылающие сердца; «кавалеристам» — «штандарты» с изображением Психеи на кровати из роз. Для питания «войск» предназначалось создать магазины (склады) с «...апельсинами и лимонами, кондитерскими изделиями, в т.ч. пирожками, пышками, печеньем и макаронами...»

Для успокоения общественного мнения, поскольку данное объявление дискредитировало власть, 21 января 1813 г. министр полиции написал генеральному комиссару Бордо, чтобы тот арестовал авторов одного документа и принял все необходимые в подобных случаях меры. Любопытно, что в Бордо нашли легковверные женщины, которые поверили в подобный абсурд. Может быть, данный документ свидетельствовал о том, что идея борьбы за родину изжила себя, превратившись в некий фарс?

Как говорилось выше, одной из самых многочисленных групп женщин в армии являлись маркитантки, поскольку во французских войсках (в отличие от других европейских армий) функции маркитантов разрешалось исполнять женщинам. В отличие от солдат, они не получали никакого жалования и не являлись военнослужащими.

Во французском языке маркитантки (маркитанты) обозначаются двумя терминами: «vivandières» («vivandiers») и «cantinières» («cantiniers»). Под первыми подразумеваются маркитантки, т.е. мелкие торговки, которые за «разумную цену» снабжали солдат предметами быта и пр. (почтовой бумагой, пуговицами, а также водкой и вином). В их распоряжении находилась повозка с тремя-четырьмя лошадьми. Под вторым термином подразумевалась супруга маркитанта («cantinière») — торговца («cantinier») продовольственными товарами, следовавшего за армией. Как правило, маркитант-«cantinier» — за отдельную плату — решал продовольственные проблемы унтер-офицеров. В наполеоновской армии существовали еще и прачки, стиравшие для солдат рубахи, гетры, платки и др.

Количество маркитанток не было постоянным во французских армиях. Поскольку они занимались доходным «бизнесом» (несомненно, сопряженным с величайшим риском для жизни), очень многие мечтали оказаться на их месте. Не случайно офицер медицинской службы Э. Блаз вспоминал: «Они (маркитантки. — М.Ч.) сперва маршировали пешком вместе с солдатами с бочонком на перевязи. Восемь дней спустя они уже удобно восседали на бесхозных лошадях. Справа и слева, спереди и сзади маркитантка была обвешана бочонками и сардельками, сыром и колбасами, которые она ловко носила, несмотря на их вес и размеры. Не успевало пройти и месяца, а она уже имела фургон с двумя лошадьми, наполненный разнообразнейшим продовольствием, что свидетельствовало о доходности ее предприятия»¹¹.

Для упорядочения численности маркитанток и прачек батальона (эскадрона) им выдавалось специальное разрешение (лицензия) от военной жандармерии для занятия своим ремеслом и особая бляха с номером воинской части (штаба), к которой они были приписаны с указанием профессии. Во-

енное командование на всем протяжении военной истории республиканской и императорской Франции пыталось регулировать численность маркитанток, что удавалось не столь часто. Так, статья 13 постановления от 26 июля 1800 г. указывала, что женщин должно быть не более четырех на каждый батальон либо две на каждый эскадрон. Приказ от 6 сентября 1809 г. гласил: «...с 20 дня текущего месяца все лицензии маркитанток и прачек и подобные документы, выданные Генеральным командующим жандармерией, генерал-аудитором, во исполнение распоряжения полиции от 8 июня, будут аннулированы»¹². Скорее всего, подобные приказы не имели большой силы, поскольку во французских военных архивах хранится лицензия маркитантки 2-го батальона 79-го линейного полка под номером 462 от 23 сентября 1809 г. на имя Франсуа Бланшар (единственный документ такого рода). Символично, что сей документ выдан на мужское имя, а не на его «женский эквивалент» — Франсуазы.

Современники Наполеона оставили нам портреты маркитанток. Так, фармацевт Каде де Гассикур вспоминает: «Маркитантке было около 30—34 лет. Ее костюм был весьма невероятным, но типичным. Ее смешной наряд включал юбку крашеного холста, жилет серого сукна, кожаный пояс, гетры; ее голову, уже обмотанную косынкой, концы которой завязаны надо лбом, покрывала шляпа из старого фетра. Лицо маркитантки не было ни красивым, ни уродливым, но от ее внешнего вида веяло выразительностью». Тот же Блаз свидетельствовал: «Я не мог без смеха смотреть на этих дам, одетых в бархатные или атласные платья, проданные им солдатами из своих трофеев за стаканчик-другой водки. Остальной наряд маркитантки резко контрастировал с вышеописанными предметами одежды, ибо на ногах она носила гусарские ботинки, а на голове — фуражную шапку. Добавьте еще для полного представления ее верхом на лошади, с корзинами по обжим сторонам — и вы получаете полный портрет маркитанток, который только возможно представить»¹³.

Маркитантки приняли активное участие во время кампаний и сражений. Во французских армиях вообще, а в конце XVIII — начале XIX вв. особенно, они были больше, чем маркитантками. Они являлись и являются неотъемлемой частью военной истории Франции. Их отвага и смелость были общеизвестными. Не случайно знаменитый французский художник (бригадный генерал и адъютант маршала Л.-А. Бертье) Л.-Ф. Лежен на своей картине «Битва при Чиклана-Баросса» увековечил подвиг маркитантки Катрин Баллан из 95-го линейного полка 5 мая 1811 г., поместив ее на передний план. В день сражения Баллан находилась в первых линиях своего полка и, невзирая на опасность, раздавала солдатам порции водки, выполняя свой долг (как правило, во время боя маркитантки не брали денег за водку и вино).

Аналогичный подвиг совершила маркитантка 57-го линейного полка Казажюс во время Польской кампании. 5 июня 1807 г., невзирая на град пуль с обеих сторон, Казажюс два раза спускалась в овраг к солдатам и два раза доставляла им бочонки с водкой, подкрепляя силы военнослужащих. Как позднее сообщалось в рапорте маршалу Ж. де Дье Сульту, «...когда какой-то солдат предложил пойти вместо нее, она твердо отказала, заявив ему, что присутствие женщины в бою принесет больше пользы родине, чем слава отдельного солдата»¹⁴. Другая маркитантка, отважная Тереза Журдан по прозвищу «Старейшина», приняла активное участие в войнах на двух континентах — в Италии, Египте, России, Алжире (между 1830 и 1834 гг.); участвовала в сражении при Ватерлоо и умерла в 1862 г. в возрасте 90 лет. Эльзаска Катрин Ромер служила во время Испанской, Русской, Французской кампаний. Катрин последовала за сыльным императором на остров Эльба, вернулась вместе с ним во Францию и участвовала в битве при Ватерлоо, как и Тереза Журдан. Можно назвать также Марию Пьерет из 48-го линейного полка, «мамашу Евгению» из 10-го драгунского полка, «тетку Дюбуа»¹⁵, маркитантку Императорской гвардии, супругу ротного цирюльника, а также двух

безвестных маркитанток 25-го линейного полка, спрятавших под своими юбками во время капитуляции Дрездена в ноябре 1813 г. наверху орла (знамени) и спасших его от противника¹⁶.

Настоящим символом маркитантки эпохи республиканских и наполеоновских войн можно смело назвать маркитантку 1-го полка пехших гренадеров Консульской (затем и Императорской) гвардии Марию Деревянная-Голова. Сей эксцентричный персонаж, несомненно, заслуживает отдельного упоминания. Известный французский поэт П.-Ж. Беранже, автор стихотворения «Маркитантка», несомненно, имел в виду именно Марию:

«Я маркитантка полковая;
Я продаю, даю и пью
Вино и водку, утешая
Солдатскую семью.
(...)
Меня герои наши знали:
Ах, сколько гроб так рано взял!
Меня любовью осыпали
Солдат и генерал...
От самых Альп я вам [солдатам] служила.
Мне шел пятнадцатый лишь год,
Как я вам водку подносила
В египетский поход.
Потом и в Вене я гостила...
Я больше пользы оказала,
Чем пер любой родной земле,
Хоть дороженько продавала
В Мадриде и в Кремле;
Но дома даром я давала.
Звени ты, чарочка моя!»¹⁷.

Мария представляла собой персонаж грубый и неотесанный — впрочем, как и ее товарики, в отличие от того образа, который представляют нам на театральных подмостках. Она родилась в 1763 г., в Доме инвалидов, выросла в сугубо мужской компании и с юности овладела мужскими привычками. Мария курила трубку, носила гетры (т.е. мужскую одежду), от нее частенько пахло табаком, чесноком, водкой и прочими «ароматами». Вместе с тем Мария обладала железной волей, неженской физической силой и запросто могла поколотить несговорчивых маркитанток, поэтому они называли ее не иначе как «господин Мария».

Впервые в армию Мария попала во время революционных войн, в состав Самбр-Маасской армии, где познакомилась и стала жить с барабанщиком из полка Французской гвардии, входившего при Старом режиме в состав Королевской гвардии. В армии она быстро научилась стрелять, сворачивать патроны, немного фехтовать. Маркитантка никогда не считала число любовников, и слова «Меня любовью осыпали // Солдат и генерал» не являются преувеличением (по крайней мере, касательно солдата).

Мария и барабанщик женились в Вероне, во время Итальянского похода 1796—1797 гг. генерала Бонапарта. Во время следующей Итальянской кампании, 1800 г., неподалеку от Маренго, у них родился мальчик, ставший во времена Первой империи барабанщиком в полку воспитанников Императорской гвардии. Мария, известная всем гвардейцам за вольность речей, некрасивую внешность, смелость, мужеподобную фигуру, нежно любила сынишку. Наполеон лично пообещал маркитантке, что произведет ее сына в сержанты, если только... мальчишку не убьют. К сожалению, вся семья погибает в последующих войнах: барабанщика разорвет пополам ядром при Монмирале (11 февраля 1814 г.), 14-летнего мальчика сразит пуля при обороне Парижа (30 марта 1814 г.), и саму маркитантку убьет осколок ядра при Ватерлоо на глазах нового мужа, гренадера-гвардейца Шакта.

Гренадеры гвардии наспех вырыли могилу на месте гибели маркитантки и поставили импровизированный крест из двух сучьев, а один капрал набросал эпитафию: «Здесь покоится Мария, маркитантка 1-го полка пеших grenadiers Старой гвардии, убитая на поле брани 18 июня 1815 г., в два часа пополудни. Прохожий, кто бы ты ни был, поклонись Марии». Но никто не поклонится несчастной маркитантке: через несколько часов ее могила была разворочена многочисленными разрывами артиллерийских снарядов, а сам Шактá пал, сраженный прусской картечью в нескольких метрах от места гибели Марии¹⁸.

Впрочем, в маркитантки шли не только женщины низших социальных слоев. На некоторое время (иногда на несколько лет) маркитантками становились и супруги военнослужащих. Например, жена одного лейтенанта из 24-го драгунского полка, мадам Дюбуа, которая готовила еду не только для мужа, но и всем офицерам полка. Или супруга музыканта штаба 9-го гусарского полка Ф.-Р. Жиро во время кампании 1807 года.

Во время кампаний маркитантки, как говорилось выше на примере с Марией Деревянная-Голова, очень часто становились любовницами солдат или их женами. При Старом режиме перед свадьбой солдаты должны были испрашивать разрешение вышестоящего начальства. Революция 1789 г. упростила существовавшие нормы: по декрету от 8 марта 1793 г. военнослужащие могли жениться без разрешения. Однако 16 июня 1808 г. император вернулся к прежнему разрешительному порядку королевской армии (с некоторыми изменениями).

Участие женщин на войне — тема малоизвестная. Отечественные и зарубежные историки изучению данной проблемы уделяли и уделяют мало внимания. Тем более интересными представляются страницы истории, где рассказывается об активном участии женщин в военных действиях наравне с мужчинами. Например во Франции конца XVIII — начала XIX веков — возможно, во время самого бурного периода ее существования, — французские женщины сыграли заметную роль не только в деле тылового обеспечения войск, но и на поле боя.

Примечания

1. BRICE R. *La Femme et les Armées de la Révolution et de l'Empire (1792—1815)*. P. s.d., p. 312.
2. *Ibid.*, p. 311—312.
3. СЕНЯВСКАЯ Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М. 1999, с. 160—170.
4. BRICE R. *Op. cit.*, p. 330—331.
5. САРДУ В. МОРО Э. *Madame Sans-Gêne*. М. 1923.
6. MARBOT. *Mémoires*. Т. 1. P. 1892, p. 207—208. В небольшом эпизоде мемуаров, где упоминается о Терезе Фигёр, автор допустил несколько серьезных ошибок, касающихся ее биографии. См.: CERE E. *Madame Sans-Gêne et les femmes soldats 1792—1815*. P. 1894, p. 20—21.
7. LEDUC. *Le vrai Madame Sans-Gêne*. P. s.d., p. 136—138.
8. CERE E. *Op. cit.*, p. 64.
9. BRICE R. *Op. cit.*, p. 318.
10. *Ibid.*, p. 348—351.
11. BLAZE E. *Mémoires*. P. 1894, p. 235.
12. PIGEARD A. *L'Armée de Napoléon. Organisation et vie quotidienne*. P. 2000, p. 291.
13. Цит. по: *Ibid.*, p. 290—291.
14. BRICE R. *Op. cit.*, p. 320.
15. Маркитантка «тетка Дюбуа», как и полагается «истой маркитантке», обладала неженской силой. Сержант А.-Ж. Бургонь вспоминает, как ее, одетую в «трофейную» золотую и серебряную парчу, остановил сержант французского патруля, приняв ее за русскую женщину: «Но тетка Дюбуа, женщина замужняя, да и вдобавок хватившая пуншу, отвесила ему такую здоровенную пощечину, что он свалился наземь». — БУРГОНЬ А.Ж. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 г. СПб. 1898, с. 56.
16. FANTIN DES ODOARDS L.-F. *Journal (1800—1830)*. P. 1895, p. 404.
17. БЕРАНЖЕ П.-Ж. Полное собрание песен. Т. 1. М.-Л. 1936, с. 334—337.
18. LACHOUQUE H. *Napoléon et la garde impériale*. P. 1956, p. 849—850.

Из истории совместной борьбы русского и украинского народов против наполеоновского нашествия

Участие украинского народа в Отечественной войне 1812 г. посвящен ряд публикаций¹. Однако отдельные принципиально важные вопросы изучены еще не достаточно. К их числу относится вопрос об обороне северной границы Украины. В советской литературе до сих пор не получило аргументированного опровержения ошибочное мнение буржуазного украинского историка И. Ф. Павловского о том, что «неприятель прошел много севернее» этой границы². Объясняется это, на наш взгляд, тем, что авторы и составители сборников документов далеко не полно использовали архивные документы, прежде всего Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) СССР, а также не привлекали оперативную переписку Наполеона.

Напряженная обстановка на северной границе Украины сложилась уже в конце июля. После отхода 1-й и 2-й Западных армий за Смоленск она оказалась открытой. 3-я Западная армия под командованием генерала от кавалерии А. П. Тормасова, созданная в мае 1812 г. для прикрытия украинских губерний, была обойдена наполеоновскими войсками, которые в конце июля подошли вплотную к границам Киевщины и Черниговщины, а в отдельных местах вторглись на украинскую территорию³. В частности, австрийская бригада генерала Мора овладела Давид-Городком и Туровом (док. № 5). В Южной Белоруссии находилось до 120 тыс. наполеоновских солдат и офицеров⁴. Им противостоял лишь 4-тысячный корпус под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля, располагавшийся в Мозыре⁵.

На борьбу с французскими захватчиками поднялось население пограничных поветов (уездов) Киевской и Черниговской губерний. В спешном порядке формировались конные казачьи полки и земские ополчения. Всего Украина выставила около 70 тыс. ратников и казаков⁶. По мере готовности отряды ополченцев выступали на защиту родной земли. Из них была создана кордонная цепь протяженностью свыше 700 верст. Генерал-губернатор Малороссии Я. И. Лобанов-Ростовский отмечал, что она была крайне необходима, «дабы оградить себя, как не от самой злодейской армии, то, по крайней мере, от разбойничьих нападений мародеров и конфедератов, поелку и за невыпущу из

Малороссии продуктов»⁷. В письме министру полиции А. Д. Балашову от 28 августа Лобанов-Ростовский подчеркнул, что кордонная цепь нужна была также для защиты Шосткинского порохового завода и Сосницкой продовольственной базы⁸.

В середине августа Наполеон приказал войскам своего правого крыла, насчитывавшего в общей сложности 90 тыс. солдат и 204 орудия, овладеть Украиной, ведя наступление с запада, северо-запада и севера. Он писал 12 августа командующему этой группировкой австрийскому генералу К. Шварценбергу: «Сильнее преследуйте Тормасова... У вас будет достаточно времени, чтобы вступить в Киев и Калугу, пока мы будем двигаться на Москву»⁹.

Русское командование разгадало замыслы Наполеона и приняло своевременные меры для обороны Украины (док. № 1, 3). Особое внимание этой задаче придавал М. И. Кутузов, получивший подробную информацию об обстановке на подступах к Украине (док. № 4, 5). Главнокомандующий предписал Тормасову «пробывать в Волынии и Подолии для охранения того края, напаче Киева, от покушений неприятельских»¹⁰. От Эртеля, численность корпуса которого была доведена до 20,5 тыс. солдат, он потребовал вести активные боевые действия. По распоряжению Кутузова в северных поветах Киевской и Черниговской губерний было сосредоточено до 60 тыс. ратников и казаков украинского ополчения¹¹. В районе Рославля они тесно взаимодействовали с калужскими ополченцами (док. № 10). Кордонная цепь стала продолжением блокадной системы, созданной Кутузовым из ополчений центральных губерний России.

Публикуемые ниже документы показывают, как были сорваны попытки противника прорваться в украинские губернии, отражают боевое содружество русского и украинского народов в грозном 1812 г., мужество и героизм украинских ратников и казаков.

Приведенные документы показывают также участие украинцев в партизанском движении, освещают другие вопросы, получившие слабое отражение в историографии Отечественной войны 1812 г.

Все публикуемые документы хранятся в ЦГВИА СССР. Из этого архива использованы